РУССКИЙ БЛЮЗ

Борис Гребенщиков на кухне у родственников на Пречистенке

Независимая газ. — 1996 — 2 авг. — с. 7

Аркадий Петров

Рефлексия

Совсем недавно фэны «Аквариума» штурмовали Концертный зал «Россия» — культовый питерский рок-ансамбль давал здесь три концерта. Формально они являлись презентацией нового компакт-диска «Снежный лев», но, во-первых, в программе было немало песен из прошлогоднего «Навигатора» и еще более ранних, а, во-вторых, публика уже явно знала многие хиты из «Льва», распевая их вместе с группой. О самих концертах «НГ» уже писала (14.05.96). С БГ мы встретились на Пречистенке — в Москве лидер «Аквариума» обычно останавливается у родственников.

— БОРИС, расскажи немного о семье...

— Мать закончила юрфак. Долго работала в Доме художника-модельера — ей просто очень нравилось рисовать... Потом, когда ей все же стало там скучно, пошла трудиться в ЛГУ. Стала социологом — представителем несуществующей тогда профессии. Веселая была работа. Никто ничего не делал, зато какие интересные были разговоры...

Отец окончил Высшее мореходное. Потом был всю жизнь изобретателем. Формально — сотрудником НИИ морского флота. Получил массу патентов. Но как благородный человек и советский инженер о материальной стороне дела не думал и ничего лично для себя на этом не заработал. Изобретал ради самой идеи изобретения. Под конец жизни его сделали директором опытного завода при Министерстве морфлота, что на него повлияло неблагоприятно — в этой профессии пришлось много пить. Что его и сгубило — он умер в 1975 году. А мама до сих пор жива-здорова...

Я появился на свет в ноябре 1953-го. Каменное царство, дворы-колодцы. Зелени не было. Потом переехали как раз в новый, зеленый район новостроек. Там поступил в школу, спокойно отучился, сколько положено. Но годам к двенадцати оказался зараженным вирусом рок-н-ролла. Главным оказалась музыка — особенно записи «Битлз» и иже с ними — все, что передавалось по «Голосу Америки» в те золотые годы (1964—1965), и те пластинки, которые удавалось достать и переписать. После чего я стал присматриваться к окружающей действительности именно сквозь эти песни.

— Не рановато ли все это было для одиннадцати лет?

— С самого раннего детства я что-то такое пел. Очень тянуло. Далеко не к классическому вокалу, естественно. И когда рок-н-ролл появился, это стало прямым попаданием. Все остальное стало интересовать меня очень опосредованно, было необходимым прикрытием. Я учился, жил, работал программистом (нужно же было что-то есть, где-то служить). Но все это было как бы в промежутках между рок-н-роллом.

— У многих в юности возникает чувство протеста... Протеста против уклада жизни, окружающего их быта. У тебя чувство протеста реализовалось в музыке?

— Я вообще не воспринимаю музыку как некий инструмент протеста. Моя музыка вообще — для нормальных форм существования. По контрасту ко всему остальному, что как раз ненормально.

Было так: читаешь в журнале «Ровесник» о зарубежном роке и думаешь: «Вот оно, как у них-то... Как надо!». И быстро все эти уроки переносишь на советскую действительность. После чего возникает проблема уже с каждым милиционером подряд. Длинные волосы, не та одежда, не тот стиль поведения... Но музыка стояла на первом месте.

— Кроме «Битлз» были еще какие-то кумиры?

— Нам очень повезло, что мы начали именно с «Битлз» — они до сих пор остаются главным ориентиром, от которого вьются другие дорожки... Как ни странно, еще до 8-го класса я пытался слушать Дилана — хотя никак не мог понять, в чем тут соль... Это было чем-то странным, хотя и очень музыкальным. Значит, в этом что-то было — размышлял я...

— А Моррисон с «Дорс», Дэвид Боуи?

— Чуть позже. Когда я уже пошел в престижную математическую школу (у меня кто-то обнаружил математические таланты). Ну а там собрались уже люди со всего Ленинграда, среди которых оказалась масса рок-фэнов, людей с богатыми коллекциями записей. Я услышал много интересной музыки. Там как раз на меня свалился весь тогдашний «металл» — «Лед Зеппелин», «Джетро Талл»...

— А кто стал твоими первыми соратниками? «Предаквариумом»?

— Да никто. Вернее, у одного из друзей была в Автово знакомая группа, игравшая на школьных танцах. Меня туда взяли певцом: я умел петь по-английски. И умел играть на гитаре. Гитара была казенной — школьной. Кажется, производства ГДР. Своей электрической не было — была акустическая. Шестиструнка, переделанная из семиструнной. Сначала написал две свои песни — но на английском языке. Это была как бы обязаловка (если хочешь показать себя). Но это оказалось не так интересно. Ну а дальше пошла «фирма» — «Сатисфэкшн», «Лет ит би» и все прочее.

Однажды я подумал, вспоминая только что появившуюся песню «God», что на чужом языке такую песню, пожалуй, и не сочинить. Так что пришлось старый англоязычный репертуар забросить и начать писать по-русски.

— А какая «русская» песня стала у тебя первой?

— «Восточное» произведение под названием «Все должно пройти». Навеянное, как легко догадаться, индийской философией Джорджа Харрисона.

— А слова? Ну музыка — понятно. А почему не обратился к профессиональному поэту?

— Тут, как я считал, у меня было все в порядке. Я вместе с другом — в будущем сооснователем «Аквариума» Толей Гуницким — занимался в школьном литобъединении. Руководила нами преподаватель литературы Ася Львовна Майзель. Она давала нам полную творческую свободу и притом учила азам: ритм, рифма, образ, форма. Короче — «как делать стихи».

Первые альбомы сочинялись в явной спешке. Не успев дописать песню, я уже кидался на сцену исполнять или в студию записывать. Хотя неплохие, грамотные стихи появлялись и раньше. Спешка вообще долго была бичом «Аквариума».

— Датой рождения группы считается 1972-й год...

— Летом я отправился с чужой для меня группой (с юрфака; я учился на «примате», факультете прикладной математики ЛГУ) на юг, в Адлер. Студенты поехали зарабатывать деньги, а меня взяли певцом. Но нас в Адлере позорно свинтили местные органы милиции.

Приехал я в Питер, встретил друга Толю Гуницкого и говорю: «Надо срочно делать свою группу!» — «Нет проблем, давай делать. На чем ты умеешь играть?» — «На гитаре. И пою. А ты на чем умеешь?» — «Ни на чем». — «Значит, будешь барабанщиком» (так и играли первые полтора года вдвоем). — «А как назовемся?» Тут начали крепко думать и думали несколько дней. Перебрали все слова русского языка. Потом набрели на «Аквариум». Слово почему-то не раздражало... Впрочем, смысл его сразу потерялся, и осталась магия звука: «Аква-а-риу-у-м...»

— А теперь вопрос совсем из другой области. Не раздражает, что в прессе тебя часто именуют «патриархом отечественного рока»?

— Я как человек, знакомый с высокими иерархами православной церкви, почитаю такой термин за честь... К тому же это «Гребенщиков» патриарх. А я — это я. Не надо путать общественную персону с подлинной личностью...

— Все-таки — тут что-то есть. Рок-музыка — искусство молодых и для молодых. Критик Ник Кон, говоря когда-то о будущем 30-летии Мика Джаггера, предложил ему погибнуть вместе с группой в авиационной катастрофе накануне этой даты. Чтобы утвердить миф...

— Корней рок-н-ролла они не знают. Забыли, что рок идет от блюза. А в блюзе чем старше — тем лучше.

— Полные, седые негры в костюмах 60-го размера. Знаменитый блюзмен Джимми Рашинг был таким толстым, что на сцену его приходилось выталкивать — в дверь не проходил!

— Вот это рок-н-ролл!

— Музыканты взрослеют, а аудитория по-прежнему молодая. Я сидел на твоем концерте в «России» в гуще 20-летней публики. Как остро реагировали на все — не только на быстрые, заводные вещи, но и на вполне спокойные романсы и баллады. Там скорее уж скупую слезу сронить бы. Чего визжать-то?

— Правильная реакция. Я не понимаю, откуда молодежь взялась (теоретически должна была преобладать 30—40-летняя публика), но я рад. У них — правильное отношение. Нужно визжать. Ведь, собственно, почему они визжат? Потому что происходит чудо. Боги спустились на землю — и играют для них. Дело не в том, что это мы — боги; ощутима божественная энергия, которая заставляет их слушать нас, нашу музыку. Говоря высоким слогом — наш блюз.

— Скажи, пожалуйста, — может ли сегодня русский рок-музыкант сделать на Западе (ну, скажем, в Штатах) карьеру?

— Конечно, есть то, что можно назвать русским рок-н-роллом. Или русским блюзом. Хотя я не уверен, что кому-то в мире это может быть интересно. Кроме нас самих. Нам самим он очень интересен. Ибо отвечает на все наши насущные вопросы.

А для того, чтобы быть известным на Западе, надо быть чем-то вроде «Аббы» или «Эйс оф бейс». То есть — забыть про то, что ты русский вообще. Вычеркнуть это из памяти. И клепать себе красивую, мелодичную музыку (на английском).

— У тебя ведь был свой проект в «Си-би-эс» семь лет тому назад — пластинка «Radio silence». Ты на нем обжегся?

— Напротив: научился. Я был поставлен тогда в идеальные условия — бесплатного, быстрого и насыщенного обучения. К моим услугам было все: студии, музыканты, продюсерские рекомендации...

Однажды я попросил знаменитую Анни Ленокс «поучаствовать» в моих текстах. Что-то подправить... Или написать совместную песню. Она отказалась: «Так у тебя тексты поумнее моих будут...» Беда пластинки оказалась в том, что стихи были «слишком умные»...

Да, не вижу я российских звезд, завоевывающих американский рынок. Другое дело, что было бы необходимо посылать молодых в «звуковые странствия». Скажем — на год перед университетом. Пусть едут хоть автостопом, подрабатывая где-то по дороге. И смотрят на мир.

— Разумный совет. Я вижу, что ты в последнее время ездишь тоже — записывать в Англии новые диски «Аквариума». Что, наши студии похуже будут?

— Две иллюстрации. Плохая студия: «Коль, а где у нас кабель-то?» — «А кабель сперли на прошлой неделе...» Теперь — хорошая: «Что-то наушник фонит в правом ухе...» Оператор ждет пять минут, потом переспрашивает: «Ну как, не перестало фонить?.. Ну ладно, я тебе сейчас другие «уши» дам...» Его не волнует, что тебе неудобно петь. Его волнует, что ему неудобно записывать.

А там, в Англии, Джерри Бойз, оператор фирмы «Ливингстон», на которой мы писались, говорит мне: «Пока ты не скажешь: мне хорошо и удобно — я и делать ничего не буду. Сначала сядь, да так, чтобы тебе было в кайф. Расслабься. Тогда я все поставлю — стойки, микрофоны и прочее».

Важна еще одна вещь. Наш оператор воспитан на определенных звуковых образцах. Ему понравилось когда-то, как звучит гитара в группе «Дженезис», и он с тех пор уже двадцать пять лет пытается каждую гитару записать похожим образом. То есть, наши звукооператоры — вторичны по отношению к западной музыке. Им что-то понравилось, и они этот — с их точки зрения — идеальный образец постоянно пытаются тиражировать. А Бойзу не надо никому подражать, потому что он сам ЭТО и есть.

— Еще немного о ваших концертах в «России»... Саунд «Аквариума» неожиданно напомнил мне оркестрик, играющий на улице или в подземном переходе. Много вальсов, баллады, романсы. Наивные аранжировки: баян, флейта и скрипка в унисон...

— А как много труда мне приходится класть, чтобы заставить этих зверей играть в унисон... Они все пытались сделать звучание побогаче, с контрапунктами и подголосками...

— К тому же — ощутимая интонационная перекличка с эпохой советской песни. Пожалуй, больше всего с мелодиями Хренникова типа «Лодочки» из фильма «Верные друзья»... А ведь когда-то вы с такими песнями боролись...

— Когда мы поборолись и победили, то обрели ключи ко всем музыкальным мирам. И нам незазорно пользоваться теперь и Хренниковым (вернее, миром, который он олицетворяет).

— А не странно, если скажут: Гребенщиков продался, поет какие-то мещанские романсы...

— Уже поздно. Это лет десять назад мы бы смутились. Впрочем, раньше это было просто стебом. Скажем — «Старик Козлодоев». А сегодня какой-нибудь московский алкоголик может заплакать: «Это про меня!..» Мы стали зрелыми. И берем свое всюду, где можно.

— Вокруг вас — море эстрады, попсы. Вы ведь сейчас работаете на одной территории с Шуфутинским, Апиной, «Любэ»...

— Так ведь оно и всегда было так. Помнится, «сорокопятка» битловских «Строуберри филдс» так до первого места в британском хит-параде и не добрела. На первом месте был сладчайший Энгельберт Хампердинк. Это вполне нормально. Мы, если и делаем что-то схожее с попсой, то как бы с другой позиции — примерно, с позиции битловского 1967 года.